

Воспоминанія Н. А. Чаева о Мочаловѣ. Н. А. Чаевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ современниковъ Мочалова, которые до сихъ поръ помнятъ его игру. Воспоминанія почтеннаго писателя были прочитаны на торжественномъ засѣданіи Русскаго Театральнаго Общества. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста по тексту, помѣщенному въ *Театръ и Искусствъ* (№ 45).

Н. А. Чаевъ увидалъ Мочалова въ первый разъ въ *Гамлетѣ* въ 1844 году. Вотъ какъ онъ описываетъ выходъ въ первомъ дѣйствіи.

За королемъ и королевой лѣнивою походкой, сложивъ на мощной груди руки, шелъ Мочаловъ. Темные глаза были устремлены прямо на зрителей. Но вглядываясь въ этотъ неподвижный взоръ, становилось ясно, что онъ не видитъ никого и ничего, весь погруженный въ неисходную печаль свою. И отвѣчая нехотя, не оборачиваясь, на вопросы короля, онъ былъ не здѣсь, не при дворѣ, не въ этомъ мірѣ, а внутри себя, въ бездонной глубинѣ своего тяжелаго горя. Такъ велъ онъ всю первую сцену, такъ и окончилъ ее, оставивъ зрителей въ недоумѣніи.

— Что-жь это? толковали въ толпѣ.— Онъ не играетъ?

— Вѣрно разстроены чѣмъ-нибудь.

— Бережетъ себя для слѣдующихъ дѣйствій...

Только впоследствии, — замѣчаетъ Н. А. Чаевъ, — начавъ понимать больше, я оцѣнилъ высокую художественность, глубокую обдуманность и силу этого гениальнѣйшаго выхода. Одинъ этотъ выходъ, — подобнаго которому я не видалъ ни у кого ни изъ нашихъ, ни изъ знаменитыхъ иностранныхъ актеровъ, — одинъ этотъ выходъ опровергаетъ нелѣпнѣйшіе толки, будто Мочаловъ игралъ, какъ вынче выражаются, какимъ-то нутромъ, повинаясь мигутъ, вспыхъ, не обдумывая роли. Подобные оцѣнщики не знаютъ, что вдохновеніе не слетаетъ какъ снѣгъ на голову художнику, а добывается трудомъ, безсонными ночами, неотвязною думой.

Кто не ѣдалъ съ слезами хлѣба,
Въ слезахъ на одрѣ не упалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, силы неба!

Послѣ появленія тѣни отца, лицо Мочалова преобразилось: въ глазахъ, во всякомъ мускулѣ видѣлось что-то страшно напряженное; каждый нервъ, казалось, былъ натянутъ, какъ струна, до невозможности. Гамлетъ неожиданно увидѣлъ за предѣлами земнаго, въ нездѣшнемъ „тамъ“, въ недостигаемой дали, въ непроницаемомъ туманѣ—другой міръ, жизнь невѣдомую намъ, но дѣющую здѣсь, какими-то темными, непонятными, но непремѣнно существующими силами. Такъ, съ преображеннымъ ужасомъ, одухотвореннымъ нездѣшней силой, лицомъ и велъ онъ сцену съ матерью. И вопросъ матери: „что съ тобою, Гамлетъ?“ задавалъ себѣ каждый изъ сидящихъ въ помертвѣвшей, стихшей, какъ могила, залѣ.

Сидя у ногъ Оселія, Гамлетъ ввился глазами въ короля; къ концу пьесы, вставъ на одно колено, онъ съежился, какъ тигръ, предъ тѣмъ чтобы кинуться на свою жертву. Король смутился, поднялся съ мѣста. Гамлетъ вскочилъ и съ хохотомъ на весь театръ раскатилъ звонко, со злобною радостью:

Олея ранили стрѣлой...
Гей, музыкантовъ!..

Предъ зрителемъ стоялъ колоссъ неумолимый, страшный мститель, передъ которымъ рухнуть всѣ преграды.

Увидавъ Мочалова первый разъ въ роли Гамлета, — говоритъ Н. А. Чаевъ, — я вышелъ изъ театра какъ

1900, № 316
МОСКОВСКІЯ ВѢСТНИКИ
опшеломленный, и едва могъ сообразить гдѣ я, стоя подъ проливнымъ дождемъ на Театральной площади. Только увидавъ игру Мочалова, я понялъ что такое сцена. Одно это безмолвіе тысячной толпы, внимающей съ боязнью проронить слово актера, проглядѣть жестъ, выраженіе глазъ, лица его—краснорѣчивѣе рукоплесканій и вѣнковъ являло, что за сила бьетъ, летитъ съ этихъ подмостковъ, отъ картонныхъ кулисъ, изъ-за сцѣлерской низкой будки.